

Выделяются две ветви архитектурного визионерского сообщества, даются их характеристики, описывается эволюция. Рассматривается современное состояние теоретического сознания постсоветского общества, его особенности, взаимодействие с социальным фундаментом и градостроительной политикой. Культурный цикл середины-конца «нулевых» отмечен фактическим отказом федеральной исполнительной власти от управления пространственным развитием, отсутствием научной и критической рефлексии, все более осязаемое заимствование западных технологий и стиля. Подчеркивается необходимость анализа как логики, так и последствий этого процесса. Системно рассматривается современная трансформация архитектурной деятельности и ее причины, изменение качества визионерства.

Ключевые слова: визионерство; «мечтатели»; «прожекторы»; параллельная архитектура; архитектурная среда; культурный контекст; наследие; локальное и глобальное. /

Видение 1960–1980: последствия на фоне перемен / Vision 1960-1980: Consequences against the backdrop of changes

текст
Андрей Бокков
РААСН; МААМ /
text
Andrey Bokov
RAACS; MAAM

Внутри неоднородного и разобщенного визионерского сообщества при желании можно обнаружить представителей двух несхожих психотипов. Одни могут условно называться «мечтателями», другие «прожекторами».

Мечтатели – интроверты, непримиримые критики реальности и практической архитектуры. Мечтательность – их естественное состояние и образ жизни. Они – жертвы платонической любви к архитектуре. Их представления бескомпромиссны, зато не требуют немедленного воплощения. Высокая мечта тщательно оберегает себя от столкновения с жизнью, с суровой действительностью и грубой реальностью. Рабочее проектирование, бесконечные согласования и трудно управляемая стройка – не их стихия. Мечтатели вполне удовлетворены пребыванием в волнующей зоне поисков и концепций, воплощение которых с легкостью доверяют другим. Усилия мечтателей сосредоточены на умозрительности, на игре ума и вовлечении в эту игру учеников, поклонников, почитателей и сочувствующих. Мечтатели живут в мире без границ, но общаются преимущественно с самими собой и слабо реагируют на внешние вызовы. Их поведение, их стратегия – род реакции на те ограничения, что преодолимы лишь в мечтах.

Мечтательность – испытанное, проверенное временем спасительное свойство отечественного сознания. Она естественна и привычна, как привычны внешние ограничения. Принципиальные, убежденные и последовательные мечтатели Локтев, Ерёмин, Корбут, Петренко, Колейчук, Кирпичёв и им подобные ригидны и прямолинейны. Они не изменяют своей вере, и все сделанное ими напоминает один большой, нескончаемый проект.

Прожекторы – социальные, экстравертны и восприимчивы к сигналам извне. Они остро реагируют на происходящее и движимы жаждой преобразований. Они озабочены не только покорением умов и сердец, но воплощением видений и замыслов. Они готовы на уступки, компромиссы и тактический конформизм во имя достижения целей. Прожекторы рациональны, политически грамотны и открыты к восприятию иных суждений. Они не признают жанровых границ, говорят, пишут, рисуют, проектируют и строят с равным энтузиазмом.

Прожекторы с вниманием и сочувствием следят за инженерными новациями и научными открытиями. Их заботит реакция окружающих, они готовы вступить в спор, прибегая к внятной и яркой аргументации. Прожекторы – Леонид Павлов, Белопольский, Розенблюм, Глазычев, Гутнов и подобные им, постоянно движутся, эволюционируют, меняют воззрения и готовы оппонировать самим себе.

С началом 1990-х тлеющий внутриархитектурный конфликт, породивший и питавший параллельную архитектуру, а с ней и советское неофициальное визионерство, оказывается исчерпанным. Краткая история советской параллельной архитектуры завершается. Ее действующие лица, мечтатели и прожекторы, уходят с авансены. Слово предчувствия приближения развязки, не дожидаясь наступления иных времен, от дел удаляются и уходят из жизни главные герои советского визионерства.

Визионеры-мечтатели находят себе новые убежища в изобразительном искусстве, которое все более благосклонно и восприимчиво к архитектуре. Усилиями с обеих сторон формируется и растет некая промежуточная зона «средовых искусств», куда охотно устремляются видеоарт, акционерство, временные, мобильные объекты, арт-объекты за пределами музеев и выставок и многое иное, воплощающее видения и мечты.

Оплотом и торжеством мечтательности становятся выставки архитектуры. Они превращаются в самостоятельное, самоценное явление, и все больше напоминают выставки современного искусства. Демонстрация перспектив, макетов и фотографий уходит в прошлое, а их место занимают архитектурные ролики и подобия рождественских «вертепчиков», именуемые инсталляциями. Сугубая конкретность сопровождается и вытесняется намеками и метафорами.

Визионеры-прожекторы выбирают иной путь. Новая реальность кажется им воплощением многих ожиданий. Будущее оказывается пережитым в сегодня, и сегодня становится местом имплементации того, что долгие годы оставалось невостребованным. Борясь за признание и успех в новых условиях, прожекторы быстро обнаруживают возможность монетизации собственного

The article considers two branches of the architectural visionary community and describes their characteristics and their evolution. It also studies the contemporary state of theoretical consciousness of post-Soviet society, its peculiarities and its interaction with the social foundation and urban policy. The cultural cycle of the mid-to-late “noughties” is marked by the federal executive authorities’ refusal to manage spatial development, lack of scientific and critical reflection, and more and more notable borrowing of western technologies and style. The author emphasizes the need to analyse both the logic and the consequences of this process. The author examines the modern transformation of architectural activity and its causes, as well as changes in the quality of visionariness.

Keywords: visionariness; “daydreamers”; “visionaries”; parallel architecture; architectural environment; cultural context; heritage; local and global.

интеллектуального ресурса и быстро трансформируются из романтиков в прагматиков.

Ранее недоступные формы самореализации, возможность проектирования и приложения собственного видения вне проектных фабрик и без осточертевших ограничений, появление ранее неведомых частных домов, офисов и торгово-развлекательных центров – все это захватило и увлекло прожекторов раньше их растерявшихся коллег.

Склонность к сопротивлению, критике, протесту, т. е. рудименты старой модели поведения были быстро вытеснены ввиду полного отсутствия иммунитета, защищавшего от воздействия денег. Советская практика такой иммунитет не воспитывала. Прожекторы гибли с появлением гонимых, как туземцы, открытые европейцами в позапрошлом веке, гибли от привезенной оспы.

Кризис, охвативший советское, а затем российское визионерство, не снизил потребности в новом видении. Более того, эта потребность в момент острых социально-политических трансформаций конца 1980-х – начала 1990-х, скорее, обострилась. Впервые за многие годы интерес к видению, помимо власти, стали обнаруживать общество и бизнес. Видение будущего становится подтверждением их права на субъектность. На смену конструкции из двух картин мира – официальной и параллельной – приходит нечто «гибридное», более подвижное, разнообразное и адаптивное.

Российская история, вслед за советской, удивительным образом следует правилу смены культурных циклов, длящихся плюс-минус 15 лет. Прожитое Новой Россией тридцатилетие вполне отчетливо делится на два периода, граница между которыми приходится на середину-конец «нулевых». Начало и завершение этих циклов утратили прежнюю резкость и не столь жестко синхронизируются с социально-политическими изменениями.

Будущее перестает быть предметом государственного регулирования, и его образ приобретает более естественный, свободный и «инклюзивный» характер. Новая картина мира, ценности и цели, лежащие в ее основании, уже не толкают на несогласие, не провоцируют протестные настроения, но и не отличаются полнотой и непротиворечивостью. Картина будущего сливается с картиной на-

стоящего, становится практической и инструментальной. Она не проявляется и не заявляется, подобно советским аналогам, что требует особых усилий по ее воссозданию или реконструкции.

Видение времен перестройки и последующих лет наполнилось преимущественно наличествующим, накопленным материалом – наследием советской власти и ресурсами «параллельной» архитектуры времен застоя. Отчасти это было повторением ситуации после 1917 года, когда новое видение собиралось из дореволюционных государственных и коммерческих проектов (вроде предшественника ГОЭЛРО) и открытий маргиналов-авангардистов, получивших уникальную возможность воплощения утопий и фантазий.

Если послереволюционная картина мира быстро и последовательно сложилась в относительно непродолжительное время, то видение, сложившееся через столетие, выглядит набором фрагментов, объединенных поначалу идеей модернизации под лозунгами перестройки и ускорения, с опорой на собственные ресурсы и представления. С образованием Новой России к модернизационным настроениям добавилось стремление к скорейшей «десоветизации», избавлению от особо раздражавших признаков прежних времен.

Новое видение зарождается и формируется в условиях жесточайшего кризиса, финансового, организационного и технологического. Крайне скромные располагаемые ресурсы становятся главным ограничителем имплементации конкретных идей, концепций и планов.

Видимым и осязаемым ответом на кризис становится либерализация строительного законодательства и градостроительной политики, отмена прописки и фактическое создание рынка земли. Кризис трансформируется в строительный бум, который для малых городов оборачивается хаотичной застройкой лучших, центральных участков, а для городов больших – массовым воспроизводством советской модели многоквартирного жилого дома.

Продолжением советских практик и несбывшихся планов становятся работы по организации целостной системы расселения в новых границах страны и попытки планомерного и опережающего развития инфраструкту-

ры, т. е. преодоления хронического инфраструктурного отставания.

Организационно-технологические компоненты нового мира возникают стихийно или заимствуются у советского прошлого. Но почти все, что имеет социокультурную и архитектурно-художественную природу, происходит из параллельной архитектуры. Первым и главным итогом параллельного сознания становится почти незаметная и безболезненная смена парадигмы. Индустриальный город, город для завода и расселение для социалистической экономики вытесняется городом постиндустриальным. Нечто застроенное, прикрытое лукавым лозунгом «город для человека» сменяется реальным городом-продуктом для человека как потребителя, а не исполнителя трудовой повинности.

Уходящая параллельная архитектура делится смыслом и содержанием с новым видением, запускает растянувшийся почти на полтора десятилетия процесс, напоминающий сдержанный «культурный ренессанс», естественную компенсаторную реакцию на итоги застоя. Предметом внимания становятся, помимо новых жилых районов, городские пригороды, где возникают первые коттеджные поселки с домами для круглогодичного проживания, и стагнирующий исторический центр города, который становится неисчерпаемым источником обогащения.

Разнообразие условий проживания и образа жизни превращается в норму, вытеснившую единый для всех советский «триатлон»: квартира в панельном доме, шесть соток и «Жигули». Искусственная многоступенчатая система обслуживания замещается более естественной, двухуровневой, поляризованной системой, где на одном полюсе – объекты «шаговой доступности» (впоследствии дополненные системой доставки на дом), а с другой – большие многофункциональные центры, расположенные в узлах и на магистралях.

Художественный язык становится более живым, артикулированным, богатым и быстро пополняется ранее недоступными средствами выражения, тем, что долго копилось в процессе свободного рисования и идейного станкового проектирования.

Модернизация и прогресс на этот раз пришли не в глобальных, транснациональных одеждах, но под знаменем идентичности, интеллектуальной самостоятельности и свободы выбора между «постмодернизмом» и «неомодернизмом», между «ретро» и новым авангардом. Возможно, впервые за многие годы движение профессии пошло не по известной траектории «вперед-назад», но в глубину.

Самыми популярными становятся воспитанные параллельной архитектурой слова общепрофессионального лексикона: «среда», «контекст», «наследие».

Среда приобретает два прочтения: узкое и широкое. Широкое трактует среду как непрерывную объективную реальность, естественно складывающуюся и подлежащую внимательному изучению. Впервые с 1917 года возникают темы кадастрации земли, правил землепользования, парцелляции, регламентов и т. п. Более узкое, «инструментальное» прочтение связано со средовым подходом, с методиками проектирования, где жесткая функциональная детерминированность и типологические ограничения уступают место гармоничности, уместности и многофункциональности, где поведение человека, эмоции и переживания значат не меньше, чем квадратные метры.

Вслед за средой широкое и узкое прочтение обретает контекст. Широкий культурный контекст, представление о культурном ареале, культурном коде порождают впервые в отечественной архитектурной истории региональную архитектуру как особое явление. Лидерами регионализма становятся несопоставимые по их строительной

активности, но располагающие вполне сравнимыми архитектурными достижениями Москва, Питер и Нижний Новгород.

Новая архитектура Питера и Нижнего стала результатом прямой активности визионерских сообществ, обнаруживших готовность и способность в условиях очевидной ресурсной ограниченности реализовать собственную картину. Отличие московского, или «лужковского», стиля от вызывающих несомненное сочувствие нижегородского «постмодерна» или питерской «неоклассики» в качестве сделанного: инициатором московского регионализма оказался мэр, а не профессиональное сообщество, отнесшееся к призыву мэра со скепсисом и недоверием. Уникальная возможность создания региональной архитектуры, способной завоевать симпатии общества и оказать влияние на происходящее в стране и в мире, был упущен. Опыт Голландии или Финляндии, сопоставимых по потенциалу с Москвой, не был повторен.

Более понятной и успешной оказалась работа с малым, локальным контекстом. Отныне власть и общество склонны настаивать на неинвазивном вторжении в историческую ткань и сдерживать аппетиты заказчика. Целью, к которой принято стремиться, становится «уместность», точное соответствие духу и физике места.

Самой чувствительной и болезненной областью становится «наследие». Здесь сталкиваются видения архитекторов-созидателей и архитекторов-охранителей, тех, кто считает главной ценностью процесс средообразования, формирования культурного пространства, сохранение закономерностей, следование им, и тех, кто главным считает сохранение материальных следов и старых камней. Видение наследия или изолированным и выделенным фрагментом пейзажа, судьбу которого можно решить лишь в далеком будущем, или действенным ресурсом создания актуальной среды оказались трудносовместимы. Каждый остался при своем; пути разошлись. Город, прежде всего Москва, приобрел некоторое число восстановленных и сохраненных памятников-окаменелостей и обогатился разной степени корявости «новоделами», включая Храм Христа Спасителя, по сути, ставшими воплощением концепции ретроразвития. Принципиальное отличие московских новоделов от ереминских фантазий и причина нетождественности тех и других в том, что первые кажутся муляжами и имитациями, а вторые – порождением живого и непрерывного культурного процесса, когда-то прерванного и едва ли подлежащего восстановлению.

Середина-конец «нулевых» годов – время наступления очередного культурного цикла и смены картины мира. Страна пребывает в состоянии устойчивого экономического роста. Нарастает поток западных технологий и западных инвестиций. Вместе с ними с запада приходят новые волнующие идеи, что оказывается весьма кстати, поскольку визионерские запасы советских времен за редким исключением оказываются или исчерпанными, или вообще неприменимыми.

Особенностью нового цикла является фактический уход федеральной исполнительной власти из проектной и строительной деятельности, фактический отказ от управления пространственным развитием. Ответственность за будущее передоверяется не особо осведомленным региональным властям и более мотивированному крупному строительному бизнесу. Общество в лице муниципалитетов, соседств, малых групп утрачивает недавно обретенные средства воздействия на собственное окружение. Государственные институты, занимавшиеся научными исследованиями и созданием нормативно-правовой базы проектирования и строительства, ликвидируются. Вслед за наукой исчезает архитектурная критика, замененная коммерческой рекламой

и антирекламой конкурентов. Молодой российский строительный бизнес, главный выгодополучатель, главное действующее лицо, основной субъект градостроительной деятельности, вслед за своим ушедшим предком, советским стройкомплексом, сосредоточен на происходящем «здесь и сейчас», особого интереса к видению отечественных экспертов не обнаруживает и планы на будущее строить и раскрывать не стремится.

Отсутствие ясно сформулированной стратегии пространственного развития, отсутствие научной и критической рефлексии в отношении происходящего делают задачу восстановления реальной, действующей картины мира не менее интригующей, чем на предшествующем этапе. Туман, окутывающий эту картину, ее неопределенность усиливаются официальными и полуофициальными суждениями представителей власти, которым не всегда удается договориться друг с другом о планах на будущее, о приоритетах и вызовах.

Усредненная, обобщенная, нанизанная на некую равнодействующую картина российского мира нулевых-двадцатых годов XXI столетия оказывается на удивление простой. Тема расселения на огромных пространствах страны, бывшая на протяжении многих столетий базовой и приоритетной, снимается с повестки. Предметом внимания, идеалом и целью становится город не менее, чем на миллион жителей, застроенный огромными многоквартирными коммерческими домами на манер тех, что соорудились в середине прошлого века по программам строительства социального жилья в Европе и СССР. Привлекательность, лоск и современный европейский облик такому городу придает «комфортная среда», понимаемая как стандартное благоустройство незастроенных пространств. Этот идеал или концепт, принятый к исполнению бизнесом и властью, не описывается, не закрепляется документально, но четко и недвусмысленно иллюстрируется главным и лучшим городом страны, ее столицей. Москва второго десятилетия нового века – безусловный и единоличный лидер, модель, эталон и прецедент, привыкший к комплементарам западных экспертов, подтверждающих ее соответствие самым высоким требованиям.

Выбор именно такой картины сопровождался не менее важным выбором между рискованными вкладами в развитие собственного видения, собственных инноваций и гарантированным получением пакета проверенных импортных продуктов. Выбор был предсказуемо сделан в пользу заимствований и догоняющего развития, причем в число заимствований, наряду с новыми технологиями и материалами, вошли архитектура и архитектурный курс. Баланс локального и глобального оказался смещен в сторону последнего.

Прогрессист, сторонник социально-политических преобразований и энтузиаст новаций мэр Лужков, подобно революционеру Ленину, сочувственно относился к традиционным культурным и художественным ценностям. Мэр Собянин, консерватор, сторонник ресоветизации и сдержанных, умеренных действий, оказался предрасположен к неомодернистской архитектуре в ее самой бескомпромиссной северо-европейской, «протестантской» версии. Казалось бы, парадоксальные предпочтения мэров, выбор которых носит манифестационный характер и определяет общенациональную повестку, не вызывает «когнитивного диссонанса». Заимствования западных одежд и фасадов, по введенной с петровских времен российской традиции, принципиально декоративны, не сопровождаются внутренними изменениями и вполне уживаются с отечественным типом институтов и сложившимся устройством жизни.

Установление стилистических параметров и «дизайн-кодов» проходит при самом активном, никаким

законодательством не ограниченным прямым участием западных компаний. Любой ответственный проект, выполненный без иностранного участия, встречается с недоверием и не может рассчитывать на коммерческий успех. Местные архитекторы по факту оказываются на вторых ролях, в положении учеников и исполнителей.

Заимствования, импорт проектных решений и следование глобальным трендам становятся заменой всему локальному и контекстуальному. Мода, своевременность, современность замещают требование уместности. Форма решительно порывает связь с местом, землей, на которой строят. Дома отдаются во власть времени и становятся неотличимы от движимых, переносимых в любое место вещей, предметов, продуктов промдизайна.

Утрата архитектурного суверенитета влияет не только на дома и их фасады, но и на архитектурный нарратив. Тексты, теоретические, критические, тексты-видения отечественных авторов выходят из употребления и замещаются не столько качественными переводами западных текстов, сколько не очень точным, избирательным и вольно трактуемым изложением их содержания. Под влиянием разного рода реферативных изданий, книг и статей складывается особый дискурс, наполненный множеством ласкающих слух, но плохо переводимых, трудно усваиваемых и сложно приложимых к российским реалиям выражений и слов, вроде «устойчивого развития», «инклюзивности», кастомизации и т. д., и т. п.

Финал советской параллельной архитектуры, советского неофициального визионерства и последующие события не были явлениями локальными: они совпали с аналогичными процессами на Западе, где явно ощущалась утрата архитектурой прежнего влияния и прежних амбиций, где визионерство переходит в иное состояние, где появляются иные носители нового видения.

Драма архитектурного визионерства разворачивалась на фоне начавшейся столетие назад кардинальной трансформации всей архитектурной деятельности. Архитекторы – не первые и не последние из тех, кого коснулась постиндустриальная революция. Незаметно, но последовательно профессия утрачивает контроль над архитектурой, переуступая компетенции неархитекторам. Занятия, еще недавно полностью и безраздельно принадлежавшие архитектуре, переходят к его партнерам и конкурентам.

На смену существовавшим многие годы привычным командам архитекторов, возглавляемым архитектором, отвечавшим, в том числе, за деньги и качество строительных работ, пришли горизонтальные структуры со сложным и глубоким разделением труда. В России ускорение этому процессу сообщил четвертый за последние сто лет удар, перенесенный культурой и архитектурой в начале 1990-х. Рядом с архитектором возникают энергичные и агрессивные менеджеры, координаторы, программисты, управляющие проектами, технические заказчики, маркетологи, инженеры-технологи и конструкторы, специалисты по организации строительства, исполнители все более многочисленных разделов проектной документации, люди, занятые визуализацией и «креативщиками», сосредоточенные на производстве концепций и даже те, кто, не будучи «авторами», ведут авторский надзор.

Все они успешно освобождают архитектора от множества забот. Одни отбирают куски когда-то неделимого архитектурного пирога, другие делят сам пирог между теми, кто делает жилые дома, кто занимается больницами, кто проектирует частные домики и кому достаются особняки олигархов. Тщательно оберегают от посторонних свой кусок пирога ландшафтные архитекторы и дизайнеры интерьера. Архитекторов и компаний, способных самостоятельно справиться с любой проектной задачей, практически не осталось, несмотря на то что школы про-

должают готовить специалистов «широкого профиля», «без границ».

Меняется самоощущение профессии и ее восприятие извне клиентами, публикой и властью. Современный архитектор не ощущается потомком жрецов и родственником вольных каменщиков. Цифровые технологии завершили превращение проектирования в род индустрии, полностью лишенной признаков сакральности. Владение тайной порождения идеи или концепции и уникальное умение эту идею визуализировать, изобразить – все это оказалось утраченным и неактуальным. Доступная немногим способность рисовать, чертить, строить перспективы и красить небеса на гигантских подрамниках оказалась обесцененной. Создание виртуальной архитектуры, или реальности, мало отличимой от действительной, стало делом техническим и рутинным.

Одновременно с монополией на изображение архитектор теряет контроль над рождением проекта, его геномом, тем, что считалось окутанным тайной «творческим» компонентом, или «концепцией».

Представления о том, что цифра или искусственный интеллект может сам генерировать форму, пространство и предсказывать развитие, освобождает от ответственности и обязательств. Вера в чудо, жажда чудес скрывают то очевидное обстоятельство, что задолго до подхода к монитору сложная параметрическая форма присутствует в воображении, что сознание уже подготовлено к встрече с этой формой, она ожидаема и желанна. Биоморфная, зооморфная, криволинейная, трехмерная, иррациональная пластика предчувствуется и предугадывается художниками и архитекторами задолго до того момента, когда воплощение этой пластики становится доступной и рутинной процедурой. Утрата этого предчувствия будет равна утрате смысла профессии и ее уходу.

Возможность обращения всех и каждого к бескрайнему хранилищу чужого опыта и состоявшихся открытий сделало необязательными и даже рискованными самостоятельные творческие блуждания. Прямые цитирования и заимствования, еще недавно стыдливо скрываемые, замалчиваемые и завуалированные, становятся явлением общепринятым и ничем не скрываемым. Новая профессиональная этика едва ли не предписывает пребывание «в тренде». Ссылки на авторитеты, прототипы и «позитивные практики» становятся нормой и гарантией успеха.

Распавшаяся на множество составляющих, архитектурная деятельность эффективно и вполне отчетливо объединяется и структурируется финансовыми механизмами. Картина мира, видение мира приобретает расплывчатый характер и вытесняется на второй план. Более того, будущее архитектуры и градостроительства начинают предсказывать те, кто прямого отношения к предмету не имеет.

Ни власть, ни бизнес, ни общество не генерируют видение будущего, но формируют его из поставляемого им материала. Утрата архитекторами их особых прав на эти поставки вызвана и внутренними, и внешними причинами. Внутренние причины связаны с коммерциализацией архитектурной деятельности, ее редукцией до дизайна или оформления продуктов строительного производства.

Судьба дизайна поучительна: забыв наставления своих отцов-основателей, многие из которых имели архитектурные корни, он забывает о миссии и становится слугой бизнеса, сохранив в виде воспоминания скромный изолированный сегмент, именуемый «арт-дизайном».

Ощущение архитектором своей миссии и особой ответственности не только перед заказчиком, но и перед всем местным сообществом забывается, оказывается не особо ценным окружающими. Архитектора в роли предсказателя и представителя будущего все реже счи-

тают заслуживающим доверия, обвиняют в высокомерии и отвлеченности.

Власть, бизнес и общество все чаще склонны доверяться урбанистам, людям с экономическим или юридическим «бэкграундом», разного рода социальным активистам, включая сторонников партисипации, охранителей природы и культурного наследия, защитников интересов «малых групп», энтузиастам «малых дел» и «прямых действий» и, наконец, айтишникам, занимающимся городом, и экологам или специалистам в области «зеленых» технологий.

Усилиями новых экспертов единая картина мира распадается на ряд отдельных слоев или картин, не совпадающих друг с другом. Цифровой или информационный город, «экогород» или «зеленый» город, город, создаваемый самими жителями, и город, состоящий лишь из сохраняемых памятников природы и культуры, совместимы сложнее, чем самые разные архитектурные видения.

Принципиальное отличие этих новых моделей от их архитектурных предшественников заключено в отсутствии архитектурной или художественной осмысленности и в иной природе. Урбанистам и социальным активистам принципиально чуждо проектное сознание, т. е. способность увидеть то, чего еще нет в действительности. Они заняты «градрегулированием», работой с имеющимся материалом, не требующим проектного вмешательства и качественных изменений. Труднопреодолимым недостатком «регуляторных» моделей становится неспособность, несклонность к адекватной реакции на «черных лебедей», на непредвиденное и неожиданное.

Часто упоминаемые экогород и цифровой город при ближайшем рассмотрении также оказываются продуктами особого, внеархитектурного, архитектурно-нейтрального видения, видения, не порождающего собственную форму, безразличного к физической форме и реализуемого практически в любой оболочке. Неполноценность, недосказанность и неполнота этого состояния не смущают никого, включая архитекторов.

Нынешняя картина мира размывается и утрачивает архитектурную доминанту, архитектурные открытия растворяются в общем потоке инноваций. Гибкие и чувствительные новые индустрии легко адаптируют и акцентируют самые невероятные идеи, становящиеся их новым топливом и сырьем. Рождение, селекция и капитализация идей превращаются в непрерывный процесс. Разрывы между открытиями и их воплощением, между видением доминирующим и оппонирующим, между глобальным и локальным исчезают. Критерии отбора видений и открытий все чаще определяются за пределами визионерского сообщества.

Торжество визионерства оборачивается его кризисом и переходом под внешнее управление. Картина мира перестает быть бесплатным даром визионеров-альтруистов. Видение превращается в товар, предмет экспорта-импорта на открытом глобальном рынке. Носителями видения, создателями глобальных трендов становятся «звезды» архитектуры, гастролирующие по миру, гарантирующие репутационные бенефиции и признаки успешности заказчикам, городам и странам.

Предвидя и одновременно формируя нечто подобное, бизнес и власти разных стран начинают вкладывать деньги и организационные усилия в архитектуру. Главной заботой становится обучение архитекторов и развитие архитектурных школ. В конце 1980-х маленькая Голландия принимает программу, делающую ее крупнейшей архитектурной державой мира, колыбелью звезд, законодательницей моды и экспортером брендируемых проектов. Спустя какое-то время в борьбу за архитектурное лидерство вступает Китай. Тысячи китайских студентов проходят обучение в лучших школах мира, выставки

китайской архитектуры на международных площадках становятся самыми заметными и впечатляющими. Успехи китайской строительной индустрии на мировом рынке подряда, выход Китая на международный арт-рынок – все это предвещает торжество китайской архитектуры, китайского видения, становящегося мягкой и действенной силой.

Сила, в которую превращается волнующее новое видение, ведет за собой проектирование, а вслед за ним движутся материалы, технологии, банки и подрядчики. Видение, успешно торгуемое на глобальном рынке, становится признаком прогресса и процветания, четко транслируемым и без труда считываемым.

До недавнего времени Россия пребывала в роли активного потребителя этого продукта. Но финал второго пятнадцатилетия Новой России может стать прологом, началом этапа пробуждения, интереса власти, общества и бизнеса к новому и собственному видению. И хотя сегодня трудно представить конкурс идей на театр будущего с сотнями участников, обсуждениями, прессой и критиками, зато заметен интерес к концепциям и «креативу», зачаточным формам нового видения, постепенно пробуждается. Конкурсы на концепцию, которые перестают быть редкостью и экзотикой, говорят о потребности в чем-то таком, чего не найти на «просторах интернета».

Способность природы к воспроизводству, а культуры к самовосстановлению гарантируют постоянные поставки в установленном количестве мечтателей и проектеров, которые мутируют и деградируют, не находя достойного и понятного приложения, реализации своего потенциала и исполнения заложенной в них программы. Их состояние отчасти напоминает то, в котором пребывали в годы советской власти люди, рожденные священниками или иконописцами. Проблема не в интеллектуальном истощении этноса или профессии, не в исчерпанности внутренних потенциалов, не в отсутствии талантов, но в их неразвитости и не востребованности. Архитектура стоит перед выбором: превратиться в подобие промышленного дизайна или повторить судьбу театра, сумевшего с появлением кинематографа не только выжить, но открыть новые для себя области приложения: от массовых зрелищ до скромных перформансов и камерных импровизаций.

Новая картина мира, способная сопровождать очередной культурный цикл, если и возникнет, то в итоге синергетического акта: пробуждения визионерского сообщества и появления у него верных союзников, спонсоров и друзей, представляющих российскую власть, бизнес и общество. Этот акт может растянуться на неопределенное время, а может сжаться до момента появления яркого архитектурного лидера-визионера, до некоего знакового события, порождающего лидеров.

«Девяностые»

Новая, «послезастойная» картина мира начинает складываться в период перестройки, задолго до событий 1991 года. Решительному изменению профессионального сознания и институтов предшествовали два события. Это встреча Ельцина, только что вступившего на пост первого секретаря горкома партии, с молодыми московскими архитекторами, участие которых в перестройке было расценено как важнейший вклад в будущее страны. И это прошедший через год «революционный» съезд Союза архитекторов СССР, завершившийся вместо предписываемого правилами переизбрания на второй срок Полянского, приходом на его место визионера и демократа Платонова.

Быстрые и самые радикальные, в сравнении с произошедшими позднее, шаги привели к становлению законодательства, ликвидации монополии государственных

проектных институтов, становлению частных мастерских и компаний с иностранным участием. Строится мало, но зато резко возрастает проектная активность. Параллельная архитектура и новое видение получают возможность легализации и выхода на поверхность.

Превращение «советских» архитекторов в «российских» прошло без потрясений и впервые за многие годы сопровождалось приливом сил и надежд.

Генератором нового видения назначается ЦНИИТИА или ВНИИТИАГ, в недавнем прошлом главное убежище советских визионеров, которому отныне разрешается заниматься экспериментальным проектированием. На языке того времени это звучит как прямой призыв к формированию новой модели существования.

Инициатором нововведений оказывается приглашенный из Ленинграда на должность замминистра строительства и архитектуры России Александр Кривов, член ГПП, в свое время открытый Гутновым, автор новых городов Шевченко и Навои. Его приход означает примирение, взаимное признание, слияние, или конвергенцию, официальной и параллельной архитектуры.

Вслед за внутренним примирением следует открытие российскими архитекторами окружающего мира и открытие миром России. Мутные фотографии и невнятные переводы уступают место прямым контактам. Все, связанное с Россией и российской архитектурой, вызывает искренний интерес. Приглашения читать лекции, участвовать в выставках и конкурсах, успешность этих опытов, премии и награды заставляют быстро преодолеть прочно укорененный комплекс неполноценности. Впервые за многие годы российский архитектор ощущает себя равным зарубежному коллеге.

Литература

1. Боков, А. О стратегии пространственного развития // Проект Байкал. 2018. – № 57. – С. 112–124
2. Гутнов, А. Э., Лежава, И. Г. Будущее города. – Москва : Стройиздат, 1977. – 12 с. : ил.
3. Боков, А. Негород. Часть 2 // Проект Байкал. – 2021. – № 68. – С. 16–22
4. Боков, А. Параллельная архитектура оттепели и застоя. Визионеры // Проект Байкал. – 2022. – № 71. – С. 58–69
5. Пионеры советского модернизма. Архитектура и градостроительство. – Москва : Кучково поле Музеон, 2020. – 240 с. : ил.

References

- Bokov, A. (2018). On the Spatial Development Strategy. Project Baikal, 15(57), 112-124. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.57.1367>
- Bokov, A. (2021). Noncity. Part 2. Project Baikal, 18(68), 16-22. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1795>
- Bokov, A. (2022). Parallel architecture of the Thaw and Stagnation. Visionaries. Project Baikal, 19(71), 58-69.
- Gutnov, A. E., & Lezhava, I. G. (1977). Budushchee goroda [The Future of the City]. Moscow: Stroyizdat.
- Pionery sovetskogo modernizma. [The Pioneers of Soviet Modernism] (2020). Architecture and Urbanism. Moscow: Kuchkovo Pole Museon.